



НАУКА И ЖИЗНЬ

ISSN: 1683-0528

5

2020

● «БепиКоломбо»: гравитационный манёвр совершён! ● Какова роль метана в потеплении Арктики? Ответ уточняется ● Сделать так, чтобы дерево служило долго, не трудно. Весь вопрос в том, для чего ● Хотите ароматизировать чай — пожалуйста, но в меру ● Логарифм — это очень просто!..



МБУ «ЦБС Верхнеуслонского муниципального района»

Методико-библиографический отдел



Штурм Берлина

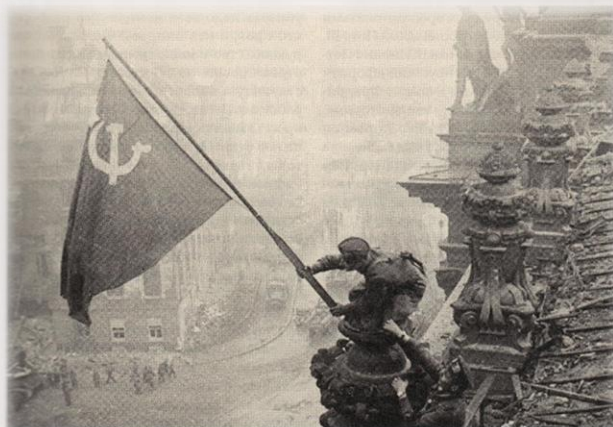
Статья Сапунова Б.В.
(ж. Наука и жизнь, 2020, № 5)

Верхний Услон, 2020

Предлагаем вашему вниманию статью Бориса Викторовича Сапунова - доктора исторических наук, академика Петровской академии наук и искусства Государственный Эрмитаж, фронтовика, участника боев за Берлин, где он делится личными впечатлениями о событиях боев за Берлин, участником которых он был весной 1945 года.



Борис Сапунов в годы войны.
Фото из архива семьи Сапуновых.



Знамя Победы над Рейхстагом. 2 мая 1945 года. Культовое фото Евгения Халдея.

«Русские в Берлине весной 1945 г.» (по личным воспоминаниям)

Всё дальше в прошлое уходят события Великой Отечественной войны. Поэтому каждый эпизод, сохранившийся в памяти ещё живых, следует тщательно беречь и зафиксировать для будущих поколений. Мне пришлось быть участником боёв за Берлин, и моя подпись на стене Рейхстага зафиксирована навечно. Поэтому позволю себе вспомнить и рассказать о событиях тех дней по личным впечатлениям и по рассказам других участников боёв, о том, как те страшные события развёртывались на самом деле. Это как бы ожившие фотографии, зафиксированные в памяти участников тех героических и страшных дней.

Начнём с того, что русские дважды штурмовали Берлин. Первый раз это было в годы так называемой Семилетней войны (1756—1763) в 1760 году. В той войне из-за «Австрийского наследства» столкнулись два блока европейских государств. По одну сторону стояли войска Прусского королевства и Англии. По другую — армии Австрии, Франции и России, которые опасались вторжения прусских войск в прибалтийские земли, недавно присоединённые к России. В исторической литературе той войне и штурму Берлина было уделено не много внимания. Описывая ход Семилетней войны, русские историки основное внимание концентрировали на блестящих победах русской армии над войском выдающегося полководца XVIII века Фридриха II (1712—1784, короля Пруссии с 1740 года).

В ходе боевых действий русская армия вступила в районы Восточной Пруссии, примерно соответствовавшей современной Калининградской области, которые были официально включены в состав Русской империи. Успешное продвижение русских войск на Запад поставило Пруссию на грань катастрофы. Фридрих II не знал, как защитить Берлин, и рекомендовал жителям столицы самим думать об обороне города. Но в этот момент блестящие успехи русских войск были списаны неожиданными событиями в Санкт-Петербурге.

В 1761 году умерла императрица Елизавета Петровна, и на русском престоле оказался не совсем психически нормальный Пётр III, ярый поклонник Фридриха II. Именно Петру III приписывают антирусский афоризм «Я хотел быть солдатом в армии Фридриха II, а оказался русским императором». К счастью для России, императором он пробыл недолго — около года. Но и за этот небольшой срок он совершил много антирусских актов. Сразу после восшествия на престол он прекратил боевые действия против Пруссии, вернул Фридриху II все присоединённые к России районы восточной Пруссии, за которые было заплачено кровью многих тысяч русских солдат. Он пытался ввести в России прусские порядки, немецкую палочную дисциплину, окрещённую в народе «пруссачеством», и другие «преlestи» Средневековья.

Совсем по-иному развивались события весной 1945 года. Если Семилетняя война не угрожала существованию России, то планы А. Гитлера заключались в её оккупации, порабощении русского народа. Для наших военных штурм Берлина означал

победоносный конец Великой Отечественной войны, страшной по масштабам жертв и разрушений. Об этой операции мечтали миллионы солдат и офицеров все четыре года войны. Когда наши передовые части подошли на берега Одера, перед нашим командованием возникла сложная межнациональная проблема. У многих военнослужащих родом из западных районов СССР в ходе войны солдаты Вермахта убили родственников, сожгли родные дома, разграбили имущество.

В сердцах солдат кипело справедливое желание отомстить врагу. Наступая на Запад, я не раз слышал от людей, переживших оккупацию: «Вот, если тебя не убьют, и ты дойдёшь до Германии, — убей немца». Правда, так больше говорили не в адрес немцев, а мадьяр (венгров), которые служили не в Вермахте, а в венгерских частях в качестве

Вермахте, а в венгерских частях в качестве карателей, т. к. они, по мнению немецкого командования, были менее боеспособны, чем солдаты Вермахта. Этот мотив возмездия звучал во фронтовых газетах. Была напечатана статья И. Эренбурга под броским названием «Убей немца!». В ней справедливо говорилось о страшных преступлениях, совершённых солдатами и офицерами Вермахта на нашей территории.

Вывод звучал весьма радикально — убивать надо всех немцев, без разбора, кто прав, а кто виноват. Политическое руководство нашей армии должно было отреагировать на эту статью, не соответствующую нашей идеологии. Крупный работник ЦК по идеологии и руководитель прессы Александров сразу отреагировал на неё в статье, опубликованной во фронтовых газетах под заголовком (если не ошибаюсь) «Эренбург не прав». Он писал, что за преступления нацистов не должен отвечать весь немецкий народ, что немецкая нация создала высочайшую культуру, что из германской среды вышли гении науки, искусства и культуры, обогатившие человечество.

Через несколько дней появилась статья И. Сталина, которую все фронтовики изучали на политзанятиях. До сих пор помню заключительную фразу той статьи: *«Опыт истории показывает, что Гитлер приходит и уходит, а немецкое государство, немецкий народ были, есть и будут».*

Но перестроить сознание миллионов советских солдат, имевших личные счёты

к немцам, за короткий срок было не так-то просто. Вместе с тем, в глубине подсознания фронтовиков теплилась выношенная за советские годы идея интернационального братства народов. Необходимо объективно рассказать о том, как практически решалась эта острейшая интернациональная проблема в конце Великой Отечественной войны, когда миллионы русских солдат и офицеров дошли до Берлина.

Я не буду вспоминать о ходе боевых действий на территории III Рейха.

Об этом уже много написано, это — особая тема. Остановлюсь лишь на взаимоотношениях русских людей, одетых в военную форму, и гражданских немцев.

Немецкое руководство никак не ожидало, что русские войска могут оказаться на территории Рейха. Но оно всё же вело антирусскую пропаганду, убеждая гражданское население в том, что Советская армия — дикая варварская сила, несущая гибель европейской цивилизации.

Уверенные в своём военном превосходстве, они не создали на восточных рубежах мощных долговременных оборонительных сооружений, подобных «Линии Зигфрида» на Западе. По крайней мере, мы их не видели и не слышали о них от других солдат. После Одера на западных берегах в направлении на Берлин возвышались так называемые Зееловские высоты, представлявшие из себя небольшие холмы, за которыми начиналась равнина. Лично мне они напомнили Пулковские высоты под Ленинградом. Перед ними немцы выкопали большое количество одиночных окопов метра полтора глубиной и примерно такого же диаметра.

Последние месяцы войны немцы испытывали острый дефицит живой силы. Гитлер приказал мобилизовать всех нестроевиков и мальчишек 14—17 лет, призвав их в так называемый Фольксштурм (народный штурм), который сами немцы называли «Фольксвинд» — народный ветерок. Они были в гражданской одежде, только на руке была белая лента с надписью «Volkssturm». Их сажали в эти индивидуальные окопы, вручали противотанковые ракеты «панцерфаусты» (противотанковый кулак). Ими следовало останавливать советские танки прорыва. Практически эти мальчишки были смертниками, ибо отступить по открытому полю им было невозможно.

Но и нам было трудно бороться с ними, т.к. снаряды пролетали над окопами. Первую атаку наших танков они задержали, но потом в бой пошли наши тяжёлые танки «ИС», которые прорвали эту линию обороны. В плен этих детишек не брали. Я до сих пор помню один эпизод того боя. К нашему комбату подвели одного такого трясущегося от страха мальчишку. Комбат посмотрел на него и, мешая русские слова с немецкими, спросил: «Где ты живёшь?» Фольксштурмист, с трудом понимая вопрос, жестом объяснил, что где-то близко.

Но и нам было трудно бороться с ними, т.к. снаряды пролетали над окопами. Первую атаку наших танков они задержали, но потом в бой пошли наши тяжёлые танки «ИС», которые прорвали эту линию обороны. В плен этих детишек не брали. Я до сих пор помню один эпизод того боя. К нашему комбату подвели одного такого трясущегося от страха мальчишку. Комбат посмотрел на него и, мешая русские слова с немецкими, спросил: «Где ты живёшь?» Фольксштурмист, с трудом понимая вопрос, жестом объяснил, что где-то близко.

Тогда комбат развернул его в сторону дома и, поддав ногой, приказал: «Нах муттер!» По-видимому, это была типичная сцена тех дней. В моей памяти всплывает ещё один эпизод. Наша часть стояла под Берлином в городе Рамбертов, и меня отпустили удовлетворить любопытство. Когда я выехал на поля близ Зееловских высот, моим глазам предстала страшная картина. Оказалось, поля там были засеяны маками, из семян которых делали опиум. Было лето, и маки цвели красным цветом. И на фоне моря цветов чернели громады наших сожжённых танков. То был символ войны, достойный кисти какого-нибудь великого художника.

После прорыва немецкой линии обороны на Зееловских высотах наши войска хлынули на Берлин. И тогда они собственными глазами увидели Германию. Естественно, их интересовал образ жизни, быт немцев. Многие дома были срочно брошены. Часто встречались ещё недоеденные обеды на столах. Гитлеровская пропаганда внушала немцам, что на них обрушилась дикая орда, которая будет уничтожать всё и всех. Немцы, проживавшие поблизости, пытались спрятаться в ближайших лесных массивах, которые, по нашим представлениям, напоминали ухоженные парки. Первые впечатления русских от Германии были однозначны. Их поразили порядок, обихоженность немецких домов. Солдаты из крестьян, знавшие сельскохозяйственное производство в России, были восхищены агрикультурой немцев. Меня часто спрашивали наши солдаты:

«Вот ты, студент, объясни нам. Какого чёрта немцы пёрлись на наши земли? Нам бы такой порядок в сельском хозяйстве!» Мне приходилось долго объяснять, что войну начали не эти немецкие крестьяне, а

нацистские деятели, которым были нужны наши ресурсы — поля, леса, рудники. А наших людей они рассчитывали превратить в рабочую силу на их фермах и в поместьях. Но далеко не всё в немецком обиходе восхищало наших солдат.

Ряд составляющих жизненного уклада вызывал удивление и явно отрицательное отношение. Так, например, нередко в детских спальнях встречались двухэтажные нары. У русских они вызывали ассоциации с военными казармами и двухэтажными нарами в лагерях ГУЛАГа. Солдат поражали огромные кровати в спальнях взрослых, на которых спали все вповалку, жёсткие подушки в виде валиков и т.д. Поражала и скупость немцев, часто переходящая в скaredность.

Современные немецкие и русские корреспонденты радио, телевидения и газет часто спрашивали меня: были ли массовые грабежи немецкого населения? Лично я таких фактов не видел. Да они были бесполезны. На фронте вещи были не нужны, а отослать чего-либо домой было невозможно. Военная почта кроме писем ничего не принимала. Немецкие марки также были не нужны, ибо они не обменивались на рубли. Спрашивали и о том, были ли случаи сексуальных насилий со стороны наших военнослужащих. Я отвечал: в армии было

военнослужащих. Я отвечал: в армии было много людей, и где-то что-то могло иметь место. Как поётся в известной песенке: «Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика».

Лично я о таких ЧП не слышал. Во-первых, после боя все сексуальные желания у нормальных мужчин должны временно уходить на задний план. Во-вторых, сразу, как мы вошли в Германию, нам зачитали грозный приказ командования о том, что за грабежи и акты сексуального насилия все, их совершившие, будут отданы под трибунал (такие суды действительно были.

— **Прим. авт.)** Меня, как бывшего до войны студента истфака ЛГУ, интересовал вопрос, что рядовые немцы знали о России и русской культуре? Какие русские книги они читали? Насколько нацистская пропаганда затуманила им мозги образом русского варвара? Поэтому, входя в брошенные дома, я, прежде всего, искал домашние библиотеки. Конечно, военная обстановка в годы войны не способствовала объективному ответу на поставленные вопросы. Но всё же картина

прояснялась. Следует отметить, что личные библиотеки немцев были не богаты по репертуару и по объёму. На русском языке я ни одной книги не нашёл. Из переводной классической литературы после просмотра многих собраний на первом месте оказались сочинения Ф. Достоевского. Намного реже встречались сочинения А. Чехова, Л. Толстого. Пушкина, Лермонтова, Некрасова я не обнаружил ни одного экземпляра.

После войны, прожив в Германии целый год, я убедился, что мои первые впечатления были достаточно объективны. Я многократно спрашивал у немцев, чем можно объяснить такой интерес у них к сочинениям Ф. М. Достоевского? Люди разного социального статуса отвечали примерно одно и то же. Достоевский, по их словам, был бытописателем больших городов периода бурного развития капитализма в Европе.

Эти романы были более понятны немцам, чем уклад русской провинции, далёкой по образу жизни от Германии. Кроме того, тщательный анализ человеческой души, проделанный Достоевским, был не характерен для западной литературы, что и вызывало особый интерес у немцев. Отмечу, что в послевоенные годы я объехал почти все страны Европы, и повсюду

ехал почти все страны Европы, и повсюду на книжных развалах из русских авторов доминировал Достоевский. Из немецкой классики популярные у нас сочинения Г. Гейне я не встретил ни разу. Как объяснили немцы, их сжигали на площадях как сионистскую пропаганду. Из политической литературы, к моему удивлению, встретились труды Ф. Энгельса, которые изучались в университетах. А сочинения К. Маркса были сожжены.

Подъезжая сегодня к Берлину, трудно представить, как он выглядел весной 1945 года. Он был тогда практически разрушен. Но не нами, а американскими и английскими тяжёлыми бомбардировщиками. Стояли скелеты сожжённых и разрушенных зданий.

Чтобы помешать проникновению наших войск к центру города по тоннелям метро неглубокого залегания, Гитлер приказал взорвать дамбы на Шпрее и затопить тоннели.

Сразу после конца боёв наше командование приказало откачивать воду. Эту работу, кроме мобилизованного населения Берлина, выполняли и наши войска,

в том числе автор данного текста. Метро вскоре было введено в действие. После осуществления этой акции нашим глазам предстала страшная картина. Спасаясь от бомбёжек, гражданское население пряталось в берлинской подземке. В освобождённых от воды тоннелях на рельсах лежали детские коляски, трупы утопленных детей, стариков и старух, домашние вещи.

Когда мы входили в Берлин и другие города, нас поразили на многих не разрушенных домах вывешенные белые тряпки. В том числе — наволочки, полотенца, даже женское бельё. Встречались нацистские флаги, с которых были содраны чёрные свастики, помещённые в центре полотнища. Оказалось, это был знак того, что данный дом капитулировал и по нему нельзя стрелять из орудий. Нас удивил тот факт, что на улицах валялись кучи сожжённой бумаги — очевидно нацистских документов. С питанием населения Берлина в последние дни войны было очень плохо. Пайка хлеба по карточкам на сутки равнялась 200 г. Возле наших кухонь во время обеда стояли очереди немок с котелками, ожидая, что и им достанется. Такие акции помощи населению столицы Рейха наше командование одобряло.

Со стороны гражданского населения я лично и по разговорам с другими военнослужащими отрицательного отношения к русским не прослеживал. Возможно, немцы были в шоке — такого конца войны они никак не ожидали. Не ожидали его и руководители нацистской Германии.

Единственная форма возмездия, которую практиковали наши солдаты и которую я часто наблюдал не только в Берлине, но и в других городах, заключалась в том, что они вспарывали кинжалами от автоматов перины и подушки, пух из которых снегом кружился по воздуху.

Когда верховному командованию германскими вооружёнными силами стало ясно, что война приблизилась к концу, они начали принимать судорожные меры обороны. Например, размещали своих солдат в люках канализационных сетей, откуда, подняв крышки, они стреляли в наших солдат, а закрыв крышки, исчезали. Были заложены кирпичом пролёты Бранденбургских ворот, окна Рейхстага, в которых оставляли амбразуры для пулемётов.

Всем активным нацистам по личному приказу Гитлера в районных центрах НСДАП раздавали красивые кинжалы с красной рукоятью, на которой была помещена эмблема штурмовых отрядов СС. По

словам немцев, всем, получившим такой нож, предписывалось зарезать хотя бы одного русского военнослужащего. Опять же, по личному приказу фюрера, срочно была создана секретная террористическая организация «Вервольф» (оборотни), члены которой должны были саботировать все мероприятия советского командования, а также новой администрации. Отмечу, что я не знаю точно, когда эти мероприятия Гитлера вступили в силу — при подходе наших войск к границам Рейха или к пригородам Берлина. По-видимому, этой даты не знали и сами немцы, которые об этом рассказывали.

В ответ на попытки начать партизанскую войну наше командование объявило жёсткие контрмеры. На стенах домов появились наши плакаты на немецком языке с заявлением о том, что все акты саботажа и террора будут жестоко подавлены.

Вспоминая о человеческом факторе на войне, в памяти всплывает один эпизод. В дни боёв за Берлин, как я уже отмечал, к нашим полевым кухням подходили во время обеда немки с котелками, надеясь получить кое-какую еду. Недалеко от меня сидел пожилой (по моим тогдашним меркам) солдат, который занимался поглощением обеда. К нему подошла немка-девочка и протянула руку, надеясь получить что-нибудь съестное. Солдат понял её жест, порывся

съестное. Солдат понял её жест, порывлся в кармане шинели, вынул пайковый сахар-рафинад и высыпал в ручки девочки, громко сказав при этом: «Чем дитя виновато?» В моём сознании этот эпизод был как бы символом русского национального характера. Когда после конца боевых действий нашу часть переместили в пригород Берлина возле озера Штраусберг и мы ожидали отправки на Дальний Восток против Японии, наши солдаты почти свободно общались с немцами. Языковой барьер оказался не настолько непреодолимым. Простые люди понимали друг друга. После таких душевных бесед меня часто спрашивали солдаты: «Вот ты, студент, объясни, почему и как у этих вполне нормальных матерей выросли такие звери, которые грабили и убивали наших людей на нашей земле?» Я отвечал, что это результат античеловеческой нацистской идеологии, внушённой немецкому народу.

В памяти зафиксировалось ещё много ярких картин и пережитых сцен тех незабываемых дней. Но главное, что надо передать новому поколению — это бесспорный факт — отсутствие у наших русских солдат антинемецких настроений и наличие желания жить в мире с великим немецким народом.

В заключение хотелось бы отметить ещё один важный факт, определивший судьбу русско-немецких отношений. После войны я несколько раз бывал в ГДР, ФРГ и объединённой Германии, обсуждал с немцами многие аспекты русско-немецких связей. Немцы старших поколений ещё помнят выступления А. Гитлера, в которых он утверждал, что у немецкого народа не будет будущего, пока не будет жизненного пространства. А вот в России огромные ресурсы, которые русские не сумели освоить. Долг высшей арийской расы, ради будущего своих детей, захватить русские территории. Такие доводы многим немцам казались справедливыми и воодушевляли солдат на войну. Послевоенная практика показала, что Германия, потеряв после Второй Мировой войны значительные территории, сумела стать одним из самых мощных государств Европы и обеспечить своим гражданам высокий уровень жизни. Так что античеловеческие лозунги нацизма оказались лживыми. И немцы в своём большинстве это поняли.

